

ТУРИЗМ TOURISM

УДК 339.9

DOI: 10.37490/S221979310030738-4

С. В. Кондратьева

Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», г. Петрозаводск, Россия.

E-mail: svkorka@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТУРИЗМ РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ (2016–2019 гг.)

В статье анализируются приграничные субъекты Российской Федерации за период 2016–2019 гг. в качестве привлекательных дестинаций для международных туристов. Влияет ли локализация региона в приграничье на активность развития международного туризма в сравнении с глубинными субъектами государства? Насколько зависимы приграничные регионы от предпочтений и интересов туристов из сопредельных государств? Поиску ответов на эти вопросы и посвящена статья, целью которой является обоснование значимости приграничных туристских обменов в развитии международного организованного туризма в период 2016–2019 гг. Исследование показало, что приграничные регионы России достаточно разнообразны по уровню развития международного туризма. Анализ динамики въездного международного туризма выявил наличие каузальных связей между локализацией субъекта Российской Федерации в приграничье и его привлекательностью для иностранных туристов в целом. Приграничные регионы принимают практически сопоставимый с двумя федеральными городами (Москва и С.-Петербургом) объём въездного организованного туристского потока из-за рубежа, опережая глубинные субъекты Российской Федерации в обслуживании международных туристов. При этом значительная доля приходится на приграничный туризм. Таким образом, наблюдаемая значительная межрегиональная дифференциация выявляет значимость развития международного туризма для одних приграничных регионов, сопровождаемую в ряде случаев высокой степенью зависимости от предпочтений туристов из сопредельных государств, для других субъектов Российской Федерации — нейтральное отношение к развитию въездного туризма.

Ключевые слова: международный туризм, сопредельные государства, приграничный регион, туристский поток, приграничный туризм.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ФИЦ КарНЦ РАН.

Для цитирования: Кондратьева С. В. Международный туризм российского приграничья (2016–2019 гг.) // Псковский регионологический журнал. 2024. Т. 20. № 2. С. 64–82. DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310030738-4>

S. V. Kondrateva

Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia.

E-mail: svkorka@mail.ru

INTERNATIONAL TOURISM OF THE RUSSIAN BORDERLAND (2016–2019)

The article analyzes the border regions of the Russian Federation for the period 2016–2019 as an attractive destination for international tourists. Does the localization of a region in the border area affect the activity of the development of international tourism in comparison with the inland regions of the state? How dependent are border regions on the preferences and interests of tourists from neighboring countries? This article is devoted to finding answers to these questions, the purpose of which is to substantiate the importance of cross-border tourist exchanges in the development of international organized tourism in the period 2016–2019. The study showed that the border regions of the Russian Federation are quite diverse in terms of the level of development of international tourism. An analysis of the dynamics of inbound international tourism revealed the presence of causal connections between the localization of a constituent entity of the Russian Federation in the border region and its attractiveness for foreign tourists in general. Border regions receive a volume of incoming organized tourist flow from abroad almost comparable to two federal cities (Moscow and St. Petersburg), ahead of the deep regions of the Russian Federation in servicing international tourists. At the same time, a significant share comes from cross-border tourism. Thus, the observed significant interregional differentiation reveals the importance of the development of international tourism for some border regions, accompanied in some cases by a high degree of dependence on the preferences of tourists from neighboring states; for other subjects of the Russian Federation — a neutral attitude towards the development of inbound tourism.

Keywords: international tourism, neighboring state, border region, tourist flow, cross-border tourism.

Acknowledgments. *The article was prepared as part of the state assignment of the Federal Research Center Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences.*

For citation: Kondrateva S. V. (2024), International tourism of the Russian borderland (2016–2019), *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 20, no. 2, pp. 64–82. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310030738-4>

Введение. Туризм представляется в качестве одного из направлений активизации периферийных территорий государств, характеризующихся в большей части замедленной динамикой социально-экономических показателей. Специфика экономико-географического положения формирует конкурентные преимущества приграничья

для развития международного (приграничного или трансграничного) туризма в сравнении с глубинными территориями государства, материализуясь в успешной практике функционирования приграничных (трансграничных) дестинаций в благоприятных геополитических и институциональных условиях.

Влияет ли локализация региона в приграничье на активность развития международного туризма в сравнении с глубинными субъектами государства? Насколько зависимы приграничные регионы от предпочтений и интересов туристов из сопредельных государств? Осмысление наблюдаемых явлений позволяет сформировать комплексное представление о масштабах и значимости развития международного туризма и, в частности, его специфического вида приграничного туризма для российского приграничья. Опыт формирования трансграничных туристско-рекреационных регионов на Северо-Западе, интенсификация туристских потоков в российско-китайском приграничье демонстрировала примеры успешного развития международного туризма в качестве одной из сфер развития приграничных регионов в первые годы XXI в.

Вызовы 2020-х гг. внесли кардинальные изменения в конструируемый на протяжении ряда последних десятилетий формат трансграничного туристско-рекреационного освоения российского приграничья. Обратная по отношению к 1990-м гг. тенденция сворачивания (прекращения) трансграничного туристского обмена материализуется в субъектах Российской Федерации, до недавнего времени функционировавших в формате лидеров развития международного туризма в государстве. Настоящая статья, целью которой является обоснование значимости приграничных туристских обменов в развитии международного организованного туризма в период 2016–2019 гг., открывает серию работ по исследованию проблематики влияния вызовов современности в туристском векторе приграничья.

Международный туризм в приграничье: теоретические аспекты. Упуская рассматриваемый исследователями положительный социально-экономический эффект международного туризма в региональном и национальном развитии, использование приграничной ренты, фокус настоящей работы направлен на обоснование притягательности российского приграничья для международных туристов. Феномен приграничного туризма и роль приграничных регионов в развитии интеграционных процессов, в выстраивании межкультурного диалога и укреплении добрососедских отношений с сопредельными государствами.

Российская Федерация относительно недавно начала интегрироваться в мировое туристское пространство, что сопровождалось устойчивой динамикой (до пандемии COVID-19) роста числа международных туристских прибытий. Несмотря на отрицательное сальдо в целом по России, приграничным регионам отводится особая роль в развитии международного туризма, что наблюдается в структуре и объёмах въездного потока, создающих возможности выстраивания межкультурного диалога и укрепления добрососедских отношений с сопредельными государствами. С. В. Дорошенко и К. А. Посысова (Уральский федеральный университет) на основе результатов эконометрического анализа выделяют туризм в качестве одного из стратегических факторов развития приграничных регионов России (с позиции геостратегического положения) посредством создания современных туристско-рекреационных комплексов и

трансграничных туристских парков [4]. Примерами укрепления добрососедских отношений, развития интеграционных процессов на основе «расширения «зоны повседневности» резидентов смежных приграничных поселений» в процессе формирования трансграничных сообществ [5] представляются «города-близнецы», определённая роль в указанных процессах которых отводится туризму [11; 12]. В региональном разрезе по периметру российских государственных границ проблематика приграничного туризма и трансграничных туристских обменов рассмотрена более подробно в российско-польском [13; 20], российско-финляндском [15; 16; 19], российско-китайском приграничье [14; 17; 18].

Выступая связующим звеном между обществом, геополитическим пространством и государством, туризм как социально-экономическую активность можно рассматривать в качестве фактора геополитического воздействия [2].

Так, одним из значимых эффектов развития трансграничного шопинг-туризма представляется появление общего языка (принятие применения одного или двух) в приграничье и возникновение постоянных контактов и трансграничных социальных взаимодействий [21]. В. А. Колосов (Институт географии РАН, г. Москва) указывает, что на рубежах России и ЕС «формируется особая социальная общность людей, чья повседневная жизнь по разным причинам связана с регулярным пересечением границы», при усилении трансграничной мобильности «многие приграничные районы из заброшенной периферии, удалённой от главных центров в пределах государственных территорий, превращаются в зоны контакта хозяйства соседних стран, локомотивы интеграции и экономического развития» [6]. Однако следует помнить, что воздействие туризма в значительной степени зависит и от других факторов (доступность и качество инфраструктуры, уровень образования и здравоохранения, безопасность, особенности экономической и финансовой среды и т. д.), которые влияют на масштабы «мягкой силы».

Исследователи подчёркивают необходимость «философского и научного переосмысления роли современного туризма как процесса освоения территории, расширения границ интеграции», подчёркивая главенствующую роль в этом процессе свойств туристской деятельности, связанных с формированием личного опыта при знакомстве с дестинацией.

Следует справедливо заметить, что проблематика глобализации сферы международного туризма неоднократно поднималась и получала развитие на совещаниях самого высокого уровня с 80-х гг. XX в. (Всемирное совещание по туризму в Акапулько, 1982; VI Генеральная ассамблея Всемирной туристской организации, в Софии, 1985; и пр.). Так, Чэндунская декларация государств-членов Всемирной туристской организации (ЮНВТО) на XXII сессии Генеральной ассамблеи ЮНВТО в Чэнду (КНР, 2017 г.) подчёркивает возможности туризма в создании на основе человеческого взаимодействия между посетителями и принимающими сообществами связей, содействующих межкультурному пониманию, продвижению культурных связей, укреплению сотрудничества на всех уровнях, поощрению взаимного уважения, терпимости и понимания между народами и цивилизациями.

Наблюдаемые вызовы современности, вызванные политическими, экономическими, институциональными, медико-биологическими факторами, включая панде-

мию COVID-19, материализуясь в ограничениях или даже прекращении трансграничных туристских потоков, губительно сказываются на развитии международного туризма. Исследователи Института географии РАН подчёркивают, что ужесточение режима пропуска «может привести к замиранию не только хозяйственных, но и культурно-бытовых связей», что «может вызвать замедление развития приграничных территорий, ... породить долговременное ухудшение социального климата и утрату социального капитала пограничного сотрудничества» [7]. Наоборот, «любое упрощение визовых формальностей увеличивает турпоток на конкретном направлении как минимум на 20–30 %» указывает А. Ю. Александрова (МГУ им. Ломоносова, г. Москва) [1]. Особенно остро проблематика проявляется в приграничье, региональная и локальная экономика которого ориентирована на обслуживание международных туристов, с высокой долей приграничного туризма и формируемой вследствие этого высокой степенью зависимости от предпочтений туристов из сопредельных государств [8; 18]. Следует вместе с тем заметить, что роль приграничных регионов в выстраивании межкультурного диалога и укреплении добрососедских отношений, в формировании трансграничных туристско-рекреационных регионов наоборот усиливается, проверяя устойчивость сформированных связей.

Информационную базу исследования составили данные Федеральной службы государственной статистики и Единой межведомственной информационно-статистической системы. В выборку были включены данные по 48 приграничным регионам, по территории которых проходит сухопутная государственная граница Российской Федерации.

Международный въездной туризм России: исследование специфики 2016–2019 гг. Совокупный въездной организованный международный туристский поток на территорию Российской Федерации за период 2016–2019 гг. (расчёт по данным Ростуризма), составляя порядка 2,64 млн чел., практически полностью формировался 12 зарубежными государствами (табл. 1); доля остальных стран не превышала 1 % в общем турпотоке из-за рубежа.

Распределение туристского потока выявляет достаточно ограниченный перечень притягательных российских дестинаций, выбираемых иностранными туристами. Наряду с городами федерального значения С.-Петербург (медиана 38,5) и Москва (14,3), выделяется ряд приграничных и глубинных субъектов Российской Федерации, среди последних особенно заметны Владимирская, Иркутская и Новосибирская области.

Представление о каузальных связях локализации регионов в приграничье и их привлекательностью для иностранных туристов формируется при сопоставлении величин въездных международных потоков в приграничные и глубинные субъекты государства (табл. 2). Так, медиана совокупного числа принятых приграничными регионами организованных иностранных туристов за период 2016–2019 гг. превышает почти в два раза среднероссийские значения и почти в три — значения глубинных субъектов Российской Федерации. Лишь треть приграничных регионов (32,4 %) за исследуемый период приняли незначительное число организованных иностранных туристов (до 255 чел., совокупно за 2016–2019 гг.), среди глубинных субъектов Российской Федерации государства таковых больше половины (61,3 %). Следует уточ-

нить, что расчёт совокупной величины международного организованного въездного туристского потока (2016–2019 гг.) позволяет более достоверно оценить въездной туристский поток, нивелируя колебания показателя в отдельные годы.

Таблица 1

Совокупный организованный международный туристский поток
в Россию за период 2016–2019 гг., %

Table 1

Cumulative organized international tourist flow to Russia for the period 2016–2019,

№	государство	совокупный организованный турпоток, тыс. чел.	доля в турпоточе Российской Федерации, %	распределение в региональном разрезе, % от турпоточа государства в Российскую Федерацию (> 1 %)		
				СПб.	Москва	другие регионы
1	КНР	1631,2	61,9	30,2	7,7	<i>Приморский край — 33,7</i> <i>Амурская область — 13,8</i> <i>Забайкальский край — 3,5</i> <i>Иркутская область — 3,4</i> <i>Новосибирская обл. — 2,5</i> <i>Хабаровский край — 2,1</i> <i>Республика Бурятия — 1,3</i>
2	Германия	171,7	6,5	21,1	32,2	<i>Калининградская обл. — 21,1</i> <i>Иркутская область — 7,1</i> <i>Республика Бурятия — 6,4</i> <i>Владимирская обл. — 1,3</i>
3	США	98,7	3,7	79,7	12,8	<i>Владимирская обл. — 1,9</i> <i>Камчатский край — 1,3</i> <i>Новгородская обл. — 1,2</i>

№	государство	совокупный организованный турпоток, тыс. чел.	доля в турпоточе Российской Федерации, %	распределение в региональном разрезе, % от турпотока государства в Российскую Федерацию (> 1 %)		
4	Франция	71,8	2,7	29,8	53,0	Владимирская обл. — 5,4 Иркутская область — 4,0 <i>Республика Карелия</i> — 2,0 <i>Республика Бурятия</i> — 1,5 Респ.а Татарстан — 1,3
5	Италия	60,4	2,3	47,1	28,6	Владимирская обл. — 14,6 <i>Краснодарский край</i> — 2,3 Ярославская область — 2,0 <i>Республика Карелия</i> — 1,1
6	Япония	57,4	2,2	5,0	18,7	<i>Хабаровский край</i> — 19,6 <i>Приморский край</i> — 16,3 Сахалинская обл. — 13,7 Камчатский край — 8,6 <i>Республика Бурятия</i> — 8,0 Владимирская обл. — 4,6 Иркутская область — 2,4
7	Испания	54,6	2,1	74,6	16,6	Владимирская обл. — 3,6 <i>Краснодарский край</i> — 2,1

№	государство	совокупный организованный турпоток, тыс. чел.	доля в турпотоке Российской Федерации, %	распределение в региональном разрезе, % от турпотока государства в Российскую Федерацию (> 1 %)		
8	Соединённое Королевство	45,5	1,7	46,8	15,7	<i>Мурманская область — 3,1 Иркутская область — 2,4 Приморский край — 1,7 Республика Бурятия — 1,5 Владимирская обл. — 1,2</i>
9	Индия	34,2	1,3	16,9	8,1	<i>Карачаево- Черкесия — 57,9 Краснодарский край — 13,7</i>
10	Финляндия	30,7	1,2	45,7	2,5	<i>Республика Карелия — 47,8</i>
11	Корея, Республика	30,2	1,1	11,7	0	<i>Приморский край — 73,9 Иркутская область — 5,7 Республика Бурятия — 5,1 Хабаровский край — 1,8</i>
12	Мексика	26,4	1,0	78,7	2,2	<i>Краснодарский край — 12,4 Владимирская обл. — 6,5</i>
Итого		2312,8	87,7	–	–	–

* ранжировано по убыванию доли страны в турпотоке Российской Федерации.

** курсивом выделены приграничные регионы Российской Федерации.

Источник: рассчитано автором на основе данных Ростуризма.

Таблица 2

Совокупный организованный международный въездной туризм в региональном разрезе за период 2016–2019 гг.

Table 2

Cumulative organized international inbound tourism by region for the period 2016–2019

№	Характеристика	Все регионы Российской Федерации (85)		Глубинные регионы (48)		Приграничные регионы (37)	
		кол-во	доля, %	кол-во	доля, %	кол-во	доля, %
1	турпоток менее 100 чел.	27	31,76	17	38,6	10	27,0
3	турпоток 100–255 чел.	12	14,1	10	22,7	2	5,4
3	турпоток более 1 % от турпотока Российской Федерации	12	14,1	4	8,3	8	21,6
4	турпоток (медиана), чел.	399	100	129	55,7	588	44,3

Источник: рассчитано автором на основе данных Ростуризма.

Кроме того, каждый пятый приграничный регион обслужил за исследуемый период более 1 % (или 26,37 тыс. чел.) въездного организованного международного туристского потока Российской Федерации, из 48 глубинных субъектов таких регионов только четыре: города федерального значения Москва и С.-Петербург, Иркутская и Владимирская области. При этом два города федерального значения за исследуемый период обслужили более 86,7 % (1273,4 тыс. чел.) организованного международного въездного турпотока, а совокупно с областями — 95,3 %. Таким образом, за вычетом обозначенных четырёх субъектов Российской Федерации, на остальные 44 глубинных региона приходится менее 70 тыс. организованных иностранных туристов за весь исследуемый период 2016–2019 гг.

Соотнесение совокупного турпотока с расчётными индексами интенсивности международного туризма¹ в региональном разрезе также демонстрирует лидирующие позиции российского приграничья (рис.). Медианы интенсивности международного туризма за 2019 г. составляют: приграничные регионы 0,14, глубинные регионы 0,035 и в целом по России 0,05. Кроме того, почти половина субъектов Российской Федерации (41) характеризуются низкой и крайне низкой интенсивностью международного туризма (менее или равной 0,04), при этом у 26 субъектов индекс равен нулю. Лишь у каждого четвёртого региона (22) данный индекс превышает единицу, из них у 15 значение более пяти (8 из которых приграничные субъекты). Для усиления наглядности на рисунке не представлены четыре субъекта Российской Федерации, характеризующиеся предельными значениями индексов въездного турпотока (2016–2019 гг.) и интенсив-

¹ Интенсивность международного туризма исчисляется как отношение числа принятых организованных иностранных туристов к численности населения российских регионов (чел. / 1 тыс. чел.).

ности (2019 г.): С.-Петербург (соответственно, 195 тыс. чел. и 36,1), Приморский край (178 тыс. чел. и 94), Москва (101 тыс. чел. и 8) и Амурская область (58 тыс. чел. и 73,2).

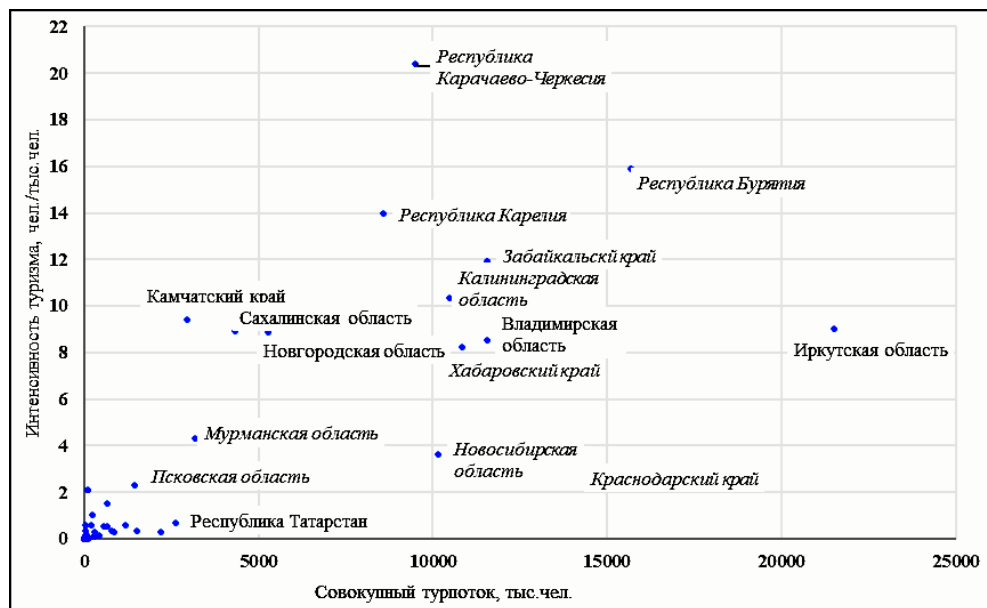

Рис. Распределение регионов России по совокупному организованному международному въездному туристскому потоку (2016–2019 гг., тыс. чел.) и интенсивности международного туризма (2019 г., чел. / тыс. чел.) (приграничные регионы выделены курсивом)

Fig. Distribution of Russian regions by total organized international inbound tourist flow (2016–2019, thousand people) and intensity of international tourism (2019, people / thousand people) (border regions are in italics)

Расчёт индексов размещения иностранных и российских граждан в коллективных средствах размещения (КСР) к численности населения российских регионов в 2019 г. также подтверждает лидирующие позиции приграничных регионов над глубинными субъектами государства (табл. 3). Медианы количественных значений численности размещенных в КСР иностранных граждан составляют: приграничные регионы — 80,2 тыс. чел., глубинные регионы — 45,7 тыс. чел., по России в целом — 49,5 тыс. чел.

Резюмируя, российское приграничье принимает практически сопоставимый с двумя городами федерального значения (Москва и С.-Петербург) объём въездного организованного туристского потока из-за рубежа, опережая глубинные регионы в обслуживании иностранных туристов. Лидирующие позиции исследуемых субъектов Российской Федерации определяют их в качестве притягательных дестинаций для организованных иностранных туристов в сравнении с глубинными регионами России, демонстрируя, что специфика географического положения активизирует развитие международного туризма.

Таблица 3

Индексы числа иностранных и российских граждан, размещённых в коллективных средствах размещения, к численности населения регионов в 2019 г., медиана

Table 3

Indices of the number of foreign and Russian citizens accommodated in collective accommodation facilities to the regional population in 2019, median

№	Регионы	Иностранные граждане к населению региона, чел./тыс. чел.	Российские граждане к населению региона, чел./тыс.чел.
1	приграничные регионы	15,18	325,5
2	глубинные регионы	11,32	348,9
3	в среднем по Российской Федерации	12,58	344,8

Источник: рассчитано автором на основе данных Ростуризма.

Вышеизложенное формирует интерес к географии организованного международного въездного туризма российского приграничья. Иными словами, какие государства определяли значимость российской туристской дестинации на мировом рынке туристских услуг? Ответ на этот вопрос позволит определить, насколько было зависимо развитие международного организованного туризма в российском приграничье от предпочтений и интересов туристов сопредельных государств? Что позволило сформировать представление о масштабах и значимости развития приграничного туризма (специфического вида международного туризма, свойственного исключительно сопредельным с зарубежными государствами субъектам Российской Федерации) в региональном развитии исследуемых субъектов.

Приграничный туризм: региональный разрез. Совокупно с Китаем сопредельные государства за исследуемый период 2016–2019 гг. формировали более половины въездного организованного туристского потока (64,6 % или более 1,7 млн чел.) Российской Федерации (табл. 4).

Таблица 4

Совокупный организованный туристский поток из сопредельных государств в Россию за период 2016–2019 гг., %

Table 4

Cumulative organized tourist flow from neighboring countries to Russia for the period 2016–2019, %

Сопредельное государство	Длина сухопутной государственной границы, км	Совокупный организованный турпоток, тыс. чел.	Доля в организованном въездном турпоточе Российской Федерации, %
КНР	4209,3	1631,2	61,9
Финляндия	1271,8	30,7	1,2
Беларусь	1239,0	26,0	1
КНДР	17,3	16,4	0,6
Польша	204,1	10,2	0,4
Казахстан	7512,8	8,9	0,3

Украина	2093,6	8,0	0,3
Эстония	324,8	7,4	0,3
Монголия	3485,0	5,5	0,2
Литва	266,0	4,1	0,2
Норвегия	195,8	3,5	0,1
Латвия	270,5	3,2	0,1

* доли стран Азербайджана и Грузии составляют 0 %.

Источник: [28], рассчитано автором на основе данных Ростуризма.

При этом доминирующая доля организованного международного туристского потока из сопредельных стран приходится на приграничные регионы России (79,9 %), что может обуславливаться, с одной стороны, преимуществами экономико-географического положения, с другой, добрососедскими отношениями на региональном и муниципальном уровнях власти, деловыми и социальными контактами по обе стороны государственной границы, а также сформированными предпочтениями иностранных граждан к посещению приграничных территорий России с туристскими целями (гостевой туризм, лечебно-оздоровительный, шопинг-туризм и пр.). Долевые значения заставляют более пристально взглянуть на организованный въездной турпоток, формируемый туристами сопредельных государств (приграничный туризм), с позиции его значимости в развитии международного туризма в Российской Федерации в целом и, особенно, в социально-экономическом развитии приграничных субъектов государства.

География распределения организованного турпотока из сопредельных государств за период 2016–2019 гг. выявляет выбор иностранными туристами российских дестинаций (табл. 5, за значимое принято более 3 %): от узкого предпочтения к посещению приграничных регионов (например, до 97,3 % туристов из Монголии или 53,2 % — КНР) до исключительного интереса к федеральным городам (например, С.-Петербург выбирают для посещения более 90 % организованных туристов КНДР и Литвы).

Таблица 5

Совокупный организованный туристский поток из сопредельных государств в Россию в региональном разрезе за период 2016–2019 гг.

Table 5

Cumulative organized tourist flow from neighboring countries to Russia in a regional context for the period 2016–2019

№	Сопредельное государство	доля организованного турпотока, %			
		М.	СПб.	совокупная доля приграничных регионов*, из них:	совокупная доля иных регионов**, из них:
1	Норвегия	37	34,3	13,2 Мурманская обл. — 13,2	15,5 Иркутская обл. — 4,1 Респ. Татарстан — 3,9
2	Финляндия	2,5	45,7	48,8 Респ. Карелия — 47,8	3,0

3	Эстония	0	77	12 Псковская обл. — 12,0	11
4	Латвия	1,9	47,7	38,3 Псковская обл. — 38,3	12,1 Новгородская обл. — 3,4
5	Литва	0,2	92,4	0,9	6,5
6	Польша	1,8	69,6	2,5	26,1 Псковская обл. — 9,4 Иркутская обл. — 4,9
7	Беларусь	9,0	69,7	5,2 Брянская обл. — 4,6	16,1 Севастополь — 6,2
8	Украина	0,1	14,3	8,2 Респ. Крым — 7,0	77,4 Респ. Адыгея — 35,6 Краснодарский кр.— 21,4 Астраханская обл—11,3
9	Грузия	10,4	24,3	20,1 Краснодарский край — 15,9 Респ. Кабардино- Балкария— 4,2	45,2 Респ. Татарстан — 7,3 Иркутская обл. — 7,3 Ставропольский кр. — 5,9 Респ. Саха — 3,7
10	Азербайджан	74,7	1,0	0	24,3 Ставропольский кр. — 9,1 Чеченская Респ. — 7,7
11	Казахстан	37,8	9,8	16,3 Алтайский кр. — 10,8	36,1 Краснодарский кр. 14,1 Московская обл. — 11,5
12	КНР	7,7	30,2	53,2 Приморский край — 33,7 Амурская обл. — 13,8 Забайкальский край— 3,5	8,9 Иркутская обл. — 3,1
13	Монголия	1,6	0	97,3 Респ. Бурятия — 96,8	1,1
14	КНДР	0	97,9	0	2,1

* учтены исключительно сопредельные с указанным зарубежным государством регионы России.

** из расчёта исключены города федерального значения Москва и С.-Петербург;

Источник: рассчитано автором на основе данных Ростуризма.

Высокая туристская притягательность для иностранных туристов С.-Петербурга (приём до 97,9 % организованного въездного турпотока из сопредельных государств) и Москвы (аналогично, до 37,8 %) определяется как уникальным туристско-рекреационным потенциалом городов федерального значения, включая наличие объектов всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО, так и уровнем и качеством развития туристской, транспортно-логистической (например, функционирование международных пунктов пропуска) и иных видов региональной инфраструктуры.

Кроме того, следует выделить благоприятные институциональные условия, проведение значимых туристских мероприятий и событий международного уровня, а также сформированные доброжелательные взаимоотношения на федеральном, региональном и муниципальном уровнях с организациями и бизнес-структурами сопредельных государств. Значение имеет активное продвижение дестинаций на международном рынке туристских услуг. Так, города федерального значения неоднократно становились победителями различных номинациях самой престижной премии мира в сфере туризма — World Travel Awards (например, С.-Петербург победитель шесть лет подряд 2015–2020 гг., Москва в номинации «Лучшее туристическое направление. Город»: в 2019 г., 2020 г.). Важно обозначить функционирование в Москве проектного офиса «Развитие туризма и гостеприимства Москвы», включая круглосуточную информационную поддержку туристов на русском и английском языках. С.-Петербург — один из немногих российских регионов, позиционирующий себя через Visit Petersburg — собственные туристические офисы за рубежом более, чем в 10 странах мира.

Высокие доли в приёме и обслуживании туристов из сопредельных государств глубинными российскими регионами или достаточно удалёнными приграничными от государств-доноров (например, Республика Адыгея в приёме украинских граждан, Псковская область — польские туристы) требует отдельного анализа, выходя за рамки настоящего исследования.

Доминирующая часть туристов (57 %) из 14 сопредельных государств в основном (более 45 % турпотока) или в большей степени (более 10 %) ориентирована на посещение именно приграничных субъектов Российской Федерации в составе организованных туристских групп или по индивидуальным туристским путёвкам (страны по снижению доли): Республика Монголия, КНР, Финляндия, Латвия, Грузия, Казахстан, Норвегия и Эстония. Граждане оставшихся шести сопредельных государств демонстрируют достаточно низкий туристский интерес (менее 8,2 % туристов выбирают для посещения приграничный регион России) вплоть до полного его отсутствия. К полученным данным следует относиться с некоторыми поправками. В расчёте принимается во внимание исключительно организованный международный турпоток из сопредельных государств, который не отражает в полной мере настоящей картины трансграничных перемещений граждан с туристскими целями. Так, при наличии между государствами соглашений об упрощённом прохождении погранично-таможенных процедур, граждане могут совершать самостоятельные поездки туристской направленности (многодневные, однодневные, с гостевыми, лечебно-оздоровительными, шопинг и иными целями) на территорию сопредельного приграничья, не прибегая к помощи туристских компаний, что остаётся за пределами данных официальной статистики. Показателен пример трансграничных перемещений граждан СНГ, практика российско-финляндской государственной границы, также как и предшествующий опыт функционирования режима МПП на российско-польском участке государственной границы.

Наблюдаемая значительная межрегиональная дифференциация развития международного туризма в приграничье выявляет значимость развития международного туризма для одних приграничных регионов, сопровождаемую в ряде случаев высокой

степенью зависимости от предпочтений туристов из сопредельных государств (11 регионов), для других субъектов Российской Федерации — нейтральное отношение к развитию въездного туризма.

В фокусе исследования в период 2016–2019 гг. значимыми представляются приграничные регионы, принимавшие основной и/или существенный организованный туристский поток из соседних стран. Так, среди приграничных субъектов России выделяются ряд регионов, являющихся, по сути, ключевыми дестинациями российского приграничья в исследуемом контексте.

В первую очередь, следует выделить Приморский край и Амурскую область, совокупно принимающих почти половину (47,5 %) турпотока граждан из КНР в Россию, и характеризующихся пиковыми величинами, как приёма китайских туристов, так и зависимости от их предпочтений в организованном международном туризме (доля приграничного туризма более 93 %).

Также необходимо обозначить Забайкальский, Хабаровский края и Республику Карелия по степени зависимости от предпочтений туристов из сопредельных КНР и Финляндии (67–100 %), при этом республика является значительным центром притяжения финских туристов в Россию (47,8 %). Псковская область, принимая половину туристов из Эстонии и Латвии в Россию (50,6 %), в меньшей степени зависима в развитии международного туризма от предпочтений последних. Отдельную роль в исследуемом фокусе занимает Республика Бурятия, являющаяся некоторой площадкой выстраивания культурного диалога с сопредельной Монголией (более 98 % туристов которой выбирают регион для посещения с туристскими целями), одновременно ориентированной на гармоничное развитие международного туризма (доля приграничного туризма составляет 9,7 %).

Таким образом, привлекательность приграничных российских дестинаций для иностранных туристов в период 2016–2019 гг. формировали обозначенные семь субъектов Российской Федерации, принимавших более трети (38 %) совокупного организованного международного въездного потока в Россию. Доминирующая часть обслуживаемого данными семью приграничными регионами туристского потока (88,5 %) генерировалась туристами из сопредельных государств, в основном КНР (более 865 тыс. чел. за исследуемый период 2016–2019 гг.). Кроме значимости развития международного и приграничного туризма, в региональном развитии, указанное накладывает(ло) дополнительную нагрузку и ответственность на принимающие приграничные дестинации с позиции формирования благоприятного имиджа России на мировой арене, укрепления международных связей, развития добрососедских отношений и интеграции в мировое туристское пространство.

Принимая приграничные дестинации в качестве платформ интеграции, развития и укрепления добрососедских отношений России с сопредельными государствами, вызывают обеспокоенность современные вызовы, материализующиеся в значительном сокращении вплоть до прекращения трансграничных туристских обменов под влиянием политических, экономических, институциональных, медико-биологических и иных факторов. Насколько критичны вызовы современности для интеграционных процессов в исследуемом фокусе, достаточен ли потенциал взаимодействия для преодоления сложившихся ограничений? Насколько возможен возврат к прежней (до пан-

демии COVID-19) структуре туристско-рекреационной деятельности [3; 10] во многом зависит от продолжительности наблюдаемых ограничений, сформированности трансграничных связей и предпочтений туристов из сопредельных государств, при этом весомую роль играют геополитические, институциональные и иные факторы.

Заключение. Приграничные регионы России достаточно разнообразны по уровню развития международного туризма. Исследование выявило наличие каузальных связей между локализацией субъекта Российской Федерации в приграничье и его привлекательностью для иностранных туристов в целом. Приграничные регионы принимают практически сопоставимый с двумя федеральными городами (Москва и С.-Петербург) объём въездного организованного туристского потока из-за рубежа, опережая глубинные субъекты Российской Федерации в обслуживании международных туристов. При этом значительная доля приходится на приграничный туризм. С одной стороны, это может обуславливаться преимуществами экономико-географического положения, с другой, добрососедскими отношениями на региональном и муниципальном уровнях власти, деловыми и социальными контактами по обе стороны государственной границы, а также сформированными предпочтениями иностранных граждан к посещению приграничных территорий России с туристскими целями (гостевой туризм, лечебно-оздоровительный, шопинг-туризм и пр.).

Таким образом, наблюдаемая значительная межрегиональная дифференциация выявляет значимость развития международного туризма для одних приграничных регионов, сопровождаемую в ряде случаев высокой степенью зависимости от предпочтений туристов из сопредельных государств (11 регионов), для других субъектов Российской Федерации — нейтральное отношение к развитию въездного туризма.

С позиции выстраивания добрососедских отношений, развития межкультурного диалога и интеграционных процессов с сопредельными государствами значимыми представляются приграничные регионы, принимающие существенный организованный туристский поток из соседних стран и являющихся, по сути, ключевыми дестинациями российского приграничья в исследуемом контексте. Кроме значимости развития международного и приграничного туризма в региональном развитии, указанное накладывает дополнительную нагрузку и ответственность на принимающие приграничные дестинации с позиции формирования благоприятного имиджа России на мировой арене, укрепления международных связей. В условиях современных вызовов роль приграничных регионов в указанных процессах усиливается, проверяя устойчивость сформированных связей.

Наблюдаемая в настоящее время в мировом сообществе турбулентность требует переосмысления накопленного опыта в сфере туристско-рекреационного освоения приграничья. Продолжение исследования уже современного состояния развития международного туризма в приграничье позволит сформировать комплексное представление о происходящих в приграничье процессах, выделить ключевые направления стратегирования международного туризма и выработать рекомендации для различных групп приграничных регионов в исследуемом фокусе с опорой на результаты данной работы.

Литература

1. *Александрова А. Ю.* География туристских потоков в Российской Федерации: статистика, тренды, проблемы // Наука. Инновации. Технологии. 2017. № 1. С. 95–108.
2. *Александрова А. Ю., Шипугина М. В.* «Жёсткая», «мягкая» и «умная сила»: взгляд на туризм с точки зрения геополитики // Социальные аспекты региональной политики. 2020. Т. 22. С. 92–100.
3. Виды туризма и география турпотоков в зеркале пандемии COVID-19: монография / под ред. А. Г. Манакова. Псков: Псковский государственный университет. 2022. 214 с.
4. *Дорошенко С. В., Посысоева К. А.* Эконометрическая оценка стратегических факторов развития приграничных регионов России // Экономика региона. 2021. Т. 17 (2). С. 431–444.
5. *Ильина И. Н., Михайлова Е. В.* Движущие факторы формирования трансграничного сообщества на примере российско-финской и российско-китайской границ // Вестник ТОГУ. 2015. № 1 (36). С. 151–160.
6. *Колосов В. А.* Трансграничная регионализация и фронтальерские миграции: европейский опыт для России? // Региональные исследования. 2016. № 3 (53). С. 83–93.
7. *Колосов В. А., Зотова М. В., Себенцов А. В.* Барьерная функция российских границ // Известия РАН. 2016. № 5. С. 8–20.
8. *Кондратьева С. В.* Трансграничная туристская мобильность в жизни местного населения карельского приграничья: ограничения пандемии COVID-19 // Балтийский регион. 2022. Т. 14. № 4. С. 79–97. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4>.
9. *Крыстев В. К.* Туризм как инструмент «мягкой силы»: геополитическая интерпретация на примере Болгарии // Вестник АРГО. 2017. № 6. С. 92–102.
10. *Манаков А. Г., Крыстев В. К., Красильникова И. Н., Иванов И. А.* Изменение структуры и географии туристских потоков в Балтийском регионе в период пандемии COVID-19 // Балтийский регион. 2023. Т. 15. № 1. С. 139–152. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-8>.
11. *Симутина Н. Л., Рыжова Н. П.* Экономические и социальные взаимодействия на трансграничном пространстве Благовещенск — Хэйхэ // Вестник ДВО РАН. 2007. № 5. С. 137–138.
12. *Anischenko A. G., Sergunin, A. A.* Twin cities: a new form of cross-border cooperation in the Baltic sea region? // Baltic region. 2012. No. 1 (11). P. 27–38. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2012-1-3>.
13. *Bolychev O., Gumenyuk I., Kuznetsova T.* Local border traffi and the development of retail trade in the Kaliningrad region and Polish borderlands // Baltic region. 2015. No. 4 (26). P. 135–149.
14. *Chow C. K. W., Tsui, W. H. K.* Cross-border tourism: Case study of inbound Russian visitor arrivals to China // International Journal of Tourism Research. 2019. <https://doi.org/10.1002/jtr.2297>.
15. *Honkanen A., Pitkanen K., Hall M. C.* A local perspective on cross-border tourism. Russian second home ownership in Eastern Finland // International Journal of Tourism Research. 2016. Vol. 18. No 2. P. 149–158. <https://doi.org/10.1002/jtr.2041>.
16. *Kondrateva S. V., Shlapeko E. A.* Travel preferences of Finnish cross-border tourists: Opportunities and limitations for Russian Karelia // Geographia Polonica. 2021. Vol. 94. Iss. 4. P. 555–572. <https://doi.org/10.7163/GPol.0220>.
17. *Mikhailova E. V.* Border tourism on the Russian-Chinese border // Journal of Siberian Federal University — Humanities and Social Sciences. 2015. No. 8 (3). P. 437–451.
18. *Mikhailova E. V.* Cross-border tourism on the Russian-Chinese border in 2014–2019: customization of the service sectors of border cities for Chinese tourists // Regional research of Russia. 2021. Vol. 11. No. 3. P. 349–360.
19. *Shlapeko E. A., Stepanova S. V.* Trends in the development of cross-border trade in the Russian-Finnish borderlands // Baltic region. 2018. No. 4. P. 103–117. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-4-7>.
20. *Studzinska D., Sivkoz A., Domaniewski S.* Russian cross-border shopping tourists in the Finnish and Polish borderland. // Norsk Geografisk Tidsskrift. 2018. No. 72 (1). P. 1–12. <https://doi.org/10.1080/00291951.2018.1451365>
21. *Tömöri M.* Investigating shopping tourism along the borders of Hungary — a theoretical perspective // GeoJournal of Tourism and Geosites. 2010. Vol. 6. No 2. P. 202–210.

References

1. Aleksandrova A. Yu. (2017), Geography of tourist flows in the Russian Federation: statistics, trends, problems, *Science. Innovation. Technologies*, no. 1, pp. 95–108. (In Russ.).
2. Alexandrova A. Yu., Shipugina M. V. (2020), “Hard”, “soft” and “smart power”: a look at tourism from the point of view of geopolitics, *Social aspects of regional policy*, vol. 22, pp. 92–100. (In Russ.).
3. *Types of tourism and geography of tourist flows in the mirror of the COVID-19 pandemic* (2022), A. G. Manakov (ed.), Pskov, Pskov State University, 214 p. (In Russ.).
4. Doroshenko S. V., Posysoeva K. A. (2021), Econometric assessment of strategic factors in the development of border regions of Russia, *Regional Economics*, vol. 17 (2), pp. 431–444. (In Russ.).
5. Ilyina I. N., Mikhailova E. V. (2015), Driving factors in the formation of a transborder community on the example of the Russian-Finnish and Russian-Chinese borders, *Bulletin of Tomsk State University*, no. 1 (36), pp. 151–160. (In Russ.).
6. Kolosov V. A. (2016), Cross-border regionalization and frontier migrations: European experience for Russia? *Regional studies*, no. 3 (53), pp. 83–93. (In Russ.).
7. Kolosov V. A., Zotova M. V., Sebentsov A. V. (2016), Barrier function of Russian borders, *Izvestiya RAS*, no. 5, pp. 8–20. (In Russ.).
8. Kondratieva S. V. (2022), Cross-border tourist mobility in the life of the local population of the Karelian borderland: restrictions of the COVID-19 pandemic, *Baltic region*, vol. 14, no. 4, pp. 79–97. (In Russ.). <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4>.
9. Krastev V. K. (2017), Tourism as a tool of “soft power”: geopolitical interpretation using the example of Bulgaria, *ARGO Bulletin*, no. 6, pp. 92–102. (In Russ.).
10. Manakov A. G., Krastev V. K., Krasilnikova I. N., Ivanov I. A. (2023), Changes in the structure and geography of tourist flows in the Baltic region during the COVID-19 pandemic, *Baltic region*, vol. 15, no. 1, pp. 139–152. (In Russ.). <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-1-8>.
11. Simutina N. L., Ryzhova N. P. (2007), Economic and social interactions in the cross-border space Blagoveshchensk — Heihe, *Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*, no. 5, pp. 137–138. (In Russ.).
12. Anischenko A. G. Sergunin, A. A. (2012), Twin cities: a new form of cross-border cooperation in the Baltic sea region? *Baltic region*, no. 1 (11), pp. 27–38. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2012-1-3>
13. Bolychev O., Gumenyuk I., Kuznetsova T. (2015), Local border traffi and the development of retail trade in the Kaliningrad region and Polish borderlands, *Baltic region*, no. 4 (26), pp. 135–149.
14. Chow C. K. W., Tsui, W. H. K. (2019), Cross-border tourism: Case study of inbound Russian visitor arrivals to China, *International Journal of Tourism Research*. <https://doi.org/10.1002/jtr.2297>.
15. Honkanen A., Pitkanen K., Hall M. C. (2016), A local perspective on cross-border tourism. Russian second home ownership in Eastern Finland, *International Journal of Tourism Research*, vol. 18, no 2, pp. 149–158. <https://doi.org/10.1002/jtr.2041>.
16. Kondrateva S. V., Shlapeko E. A. (2021), Travel preferences of Finnish cross-border tourists: Opportunities and limitations for Russian Karelia, *Geographia Polonica*, vol. 94, iss. 4, pp. 555–572. <https://doi.org/10.7163/GPol.0220>.
17. Mikhailova E. V. (2015), Border tourism on the Russian–Chinese border, *Journal of Siberian Federal University — Humanities and Social Sciences*, no. 8 (3), pp. 437–451.
18. Mikhailova E. V. (2021), Cross-border tourism on the Russian-Chinese border in 2014–2019: customization of the service sectors of border cities for Chinese tourists, *Regional research of Russia*, vol. 11, no. 3, pp. 349–360.
19. Shlapeko E. A., Stepanova S. V. (2018), Trends in the development of cross-border trade in the Russian-Finnish borderlands, *Baltic region*, no. 4, pp. 103–117. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-4-7>.
20. Studzinska D., Sivkoz A., Domaniewski S. (2018), Russian cross-border shopping tourists in the Finnish and Polish borderland, *Norsk Geografisk Tidsskrift*, no. 72 (1), pp. 1–12. <https://doi.org/10.1080/00291951.2018.1451365>.
21. Tömöri M. (2010), Investigating shopping tourism along the borders of Hungary — a theoretical perspective, *GeoJournal of Tourism and Geosite*, vol. 6, no 2, pp. 202–210.

Сведения об авторе

Кондратьева Светлана Викторовна — старший научный сотрудник отдела региональной экономической политики, Институт экономики — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук», г. Петрозаводск, Россия.

E-mail: svkorka@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8832-9182

Scopus Author ID: 57190860233

About the author

Dr **Svetlana Kondrateva**, Senior Researcher, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia.

E-mail: svkorka@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8832-9182

Scopus Author ID: 57190860233

Поступила в редакцию 25.04.2024 г.

Поступила после доработки 29.05.2024 г.

Статья принята к публикации 06.06.2024 г.

Received 25.04.2024.

Received in revised form 29.05.2024.

Accepted 06.06.2024.